

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108

А. В. Корнев*

Русская классическая литература в поиске гармонии между нравственностью и правом

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения права, нравственности и морали в ряде произведений русской классической литературы. Показывается, что данная проблематика характерна именно для русской литературы, безоговорочно признанной как одно из высших достижений мировой словесности. Особенность русской, а затем и советской литературы состоит в том, что она уделяет повышенное внимание внутреннему миру человека, мотивам его поведения. Так возник феномен, который получил название «русский психологический роман». Отечественные писатели неоднократно поднимали проблему несовпадения содержания законов и общепринятых представлений о морали, тем более нравственности. В статье говорится о преемственности советской и русской литератур, которая нередко отрицалась как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении.

Социологические, философские, а нередко и правовые проблемы первоначально поднимались именно в литературе. И уже затем они становились предметом обсуждения в специальных отраслях знания. Многие дореволюционные правоведы зарекомендовали себя и в качестве литераторов. Такого рода примеры имели место и в советский период.

Несовпадение нравственных и правовых оценок по-прежнему остается одной из актуальных проблем. Автор обосновывает свое убеждение, что литература должна воспитывать. Без нравственности право теряет свою ценность, на что неоднократно обращали внимание отечественные писатели. Возвращение привычки читать классическую (и не только) литературу, которое позволит вновь получить статус самой читающей страны мира, разрешит конфликт права и нравственности; автор доказывает подобную позицию в рамках научной статьи.

Ключевые слова: государство; литература; мораль; нравственность; наказание; право; преступление; рассказ; роман; сюжет.

Для цитирования: Корнев А. В. Русская классическая литература в поиске гармонии между нравственностью и правом // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 99–108. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108.

Russian Classical Literature in Search of Harmony between Morality and Law

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avkornev@msal.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the correlation of law, morality and morals in a number of works of Russian classical literature. It is shown that this problem is characteristic of Russian literature, which is unconditionally recognized as one of the highest achievements of world literature. The peculiarity of Russian and then Soviet literature is that it pays increased attention to the inner world of a person, the motives of their behavior. This is how the phenomenon that has been called the «Russian psychological novel» arose. Russian writers have repeatedly raised the problem of the discrepancy between the content of laws and generally

© Корнев А. В., 2023

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
avkornev@msal.ru

accepted ideas about morals, especially morality. The paper talks about the continuity of Soviet and Russian literature, which was often denied both in domestic and foreign literary studies.

Sociological, philosophical, and often legal problems were initially raised in the literature. And only then they became the subject of discussion in special branches of knowledge. Many pre-revolutionary jurists have established themselves as writers. Such examples took place in the Soviet period.

The discrepancy between moral and legal assessments remains one of the urgent problems.

The author justifies his belief that literature should educate. Without morality, the law loses its value, as Russian writers have repeatedly drawn attention to. The return of the habit of reading classical (and not only) literature, which will make it possible to regain the status of the most reading country of the world, will resolve the conflict of law and morality; the author proves a similar position in the framework of this paper.

Keywords: state; literature; morality; morality; punishment; law; crime; story; novel; plot.

Cite as: Kornev AV. Russkaya klassicheskaya literatura v poiske garmonii mezhdu нравственностью i pravom [Russian Classical Literature in Search of Harmony between Morality and Law]. *Lex russica*. 2023;76(8):99-108. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.099-108. (In Russ., abstract in Eng.).

Русская классическая литература прочно вошла в сокровищницу мировой культуры. Это неоспоримый факт. Мало кто отваживается его оспаривать. Сегодня мы наблюдаем попытки «отмены» русской культуры. Но это вряд ли получится, поскольку мировую литературу без Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого представить невозможно. Как и мир музыки без П. И. Чайковского. Так что подобные предложения могут исходить только от людей, интеллектуально и нравственно ущербных. Они, по большому счету, не заслуживают внимания. На этом и остановимся.

Выдающийся немецкий поэт Райнер Мария Рильке как-то сказал, что все страны в этом мире граничат друг с другом, и только Россия с небом. Да, поэты — народ особый. А тем более в России. В свое время Е. Евтушенко сказал: «Поэт в России больше, чем поэт». По всей видимости, сама нива поэзии или прозы предполагает наличие особых качеств у тех, кто ими занимается. Мы все наделены разными талантами и способностями. Однако только избранные могут при помощи слова передать то, что волнует поистине всех.

Феномен русской литературы формировался очень стремительно. Можно встретить мнение о том, что русская литература начинается со «Слова о полку Игореве» безымянного автора, или Владимира Мономаха, с его «Поучения», которое он адресовал детям. Конечно, нельзя не сказать и о митрополите Илларионе, который оставил нам «Слово о законе и благодати». Но можно ли любое печатное слово назвать литературой? Большой вопрос. Следует согласиться с тем, что «Слово о законе и благодати» является первым богословским и политико-правовым трактатом на Руси. Оно же является древним литературным памятником.

Не так давно довелось услышать на семинаре по современным правовым учениям мнение о том, что «Слово о законе и благодати» следует расценивать как зарождение отечественного конституционализма.

Однако при всем уважении к этой политико-правовой доктрине такая характеристика несколько умаляет величие этого выдающегося произведения. Смысл его совершенно иной. Митрополит Илларион хотел прежде всего показать принципиальную разницу между Ветхим и Новым Заветом. Если первый базировался на законе, разумеется в религиозном смысле, то второй — на благодати. Надо ли в этом видеть зарождение конституционных идей? Уверен, что нет. Иначе мы просто не понимаем значения этого выдающегося памятника богословской мысли, в котором содержатся, конечно же, некие правовые аспекты.

Представляется, что русская литература в таком виде, в котором ее знают во всем мире, появилась относительно недавно. А. С. Пушкин, «наше всё», родоначальник отечественной словесности в подлинном смысле этого слова, при жизни не имел всеобщего признания. А за границей его не знали вовсе. По степени влияния с ним вполне могли потягаться В. Жуковский, П. Вяземский. И разумеется, Г. Державин, Н. Карамзин.

Итак, о А. С. Пушкине в контексте заявленной темы. Гениальный русский поэт не обходил стороной проблему права, его соотношение с иными регуляторами. Он учился в Царскосельском лицее, преподавательский состав которого тщательно подбирался М. М. Сперанским. Александр Сергеевич всегда с благодарностью вспоминал А. П. Куницына — профессора нравственной философии и правоведения. Много позже в «Записке о народном воспитании» писал о

необходимости преподавания права во всех высших и средних учебных заведениях. Это связано с тем, что «Россия слишком мало известна: сверх ее истории... ее законодательство требует особенных кафедр в учебных заведениях»¹.

А. С. Пушкин был не только гениальным поэтом, но и большим патриотом своей страны. Известна его полемика с П. Чаадаевым касательно русской истории. Любопытно, что во время медового месяца в 1831 г., после женитьбы на Н. Гончаровой, он пишет пронзительное и современно звучащее стихотворение «Клеветникам России». Такое впечатление, что написано сегодня. Может, и не случайно повсеместно сносят памятники А. С. Пушкину на Украине?

Поэт был не только государственным. Он являлся носителем имперской идеи, которую у нас дискредитировали, как могли. Но это не мешало ему обличать пороки российского общества и видеть недостатки государственной системы. «Владыки! Вам венец и трон дает закон, а не природа. Стоите выше вы народа, но вечный выше вас Закон». В этих строках обнаруживаем заметные правовые мотивы. В стихотворении «Деревня» читаем «Здесь барство дикое...». Говорится не только о праве, но прежде всего о морали. Эта же тема прослеживается и в «Дубровском». А если говорить более конкретно о соотношении права и морали, то хотелось бы обратить внимание на два момента.

Первый. Судебный процесс, начатый генерал-аншефом К. П. Троекуровым против Дубровского-старшего. Некогда они были приятелями. Однако старый, бедный дворянин не смог стерпеть оскорбительных слов троекуровского псаря. Всесильный К. П. Троекуров, который держал в руках всю губернию, включая суды, затеял против своего старого друга судебное разбирательство. Он знал, что во время пожара документы на имение сгорели, и решил этим воспользоваться. А. С. Пушкин подробно описал процесс во всей его казуистической форме, предупредив читателя о том, как в России «...можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право»². Потрясенный решением суда Дубровский-старший только и произнес: «Как! не почитать церковь

Божью! прочь хамово племя»³. «Хамово племя» своим решением продемонстрировало глумление не только над законом, хотя чисто формально это решение можно понять, но и над нравственностью и Богом.

Мы видим здесь очевидный конфликт. Русский человек более всего ценит правду и справедливость, а не букву закона. Не случайно первый памятник права назывался Русская Правда. Да и вообще, правда русского человека уже Божественной, но, несомненно, шире земной. Поэтому нас и не могут услышать на Западе в силу циничного прагматизма.

Второй. Мария Троекурова, влюбленная в В. Дубровского, вынуждена по воле деспотичного отца идти замуж за старого развратного князя Верейского⁴. Она могла бежать с Дубровским, когда со своим теперь уже мужем ехала в его имение после таинства венчания. Но коль скоро Дубровский не освободил ее до этого, она считала себя связанной узами брака. Пушкин пишет: «...Когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес неотвратимые слова»⁵. Поступок священника, если можно так сказать, есть преступление перед Богом и моралью одновременно. Но это не повлекло за собой никаких последствий. Кроме тех, что после таинства бедная Маша была принуждена жить с нелюбимым человеком. Она поступила как высокоморальный, а главное — богобоязненный человек. А вот священник — нет.

Русскую литературу невозможно представить себе без Н. В. Гоголя. П. И. Чичиков, пожалуй, самый известный и отвратительный его персонаж. Не приходит ли нам в голову в часы уединения вопрос «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?», размышлял писатель.

Чичиков стал таким, каким его сделала семья (отец) и общество (прежде всего учитель гимназии). Итак, отец: «Смотри же Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хотя и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё пойдешь в ход и всех опередишь»⁶.

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 311.

² Пушкин А. Дубровский. М. : Эксмо, 2022. С. 165.

³ Пушкин А. Дубровский. С. 170–171.

⁴ Нужна поправка на время. Князю было около 50 лет, указывает А. С. Пушкин.

⁵ Пушкин А. Дубровский. С. 230.

⁶ Гоголь Н. В. Мертвые души. М. : Художественная литература, 1985. С. 213.

Отец, видимо, знал, о чем говорил. Павлуша пришел вполне себе подготовленным в гимназию и встретил полное понимание со стороны учителя: «Способности и дарования? Всё это вздор, — говаривал он, — я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух и насмешливость, я тому ноль, хотя он Солона заткни за пояс»⁷.

Этими постулатами и руководствовался Чичиков, вступив во взрослую жизнь. Служил он «честно», мелкие взятки не брал. Он зарабатывал репутацию и ждал. Это было девизом молодого чиновника. Такое усердие, по его мнению, должно быть вознаграждено. И вот когда он достигнет положения на службе, тогда уже можно развернуться по-настоящему. В разговоре с Маниловым Чичиков произносит совершенно фальшивую фразу: «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею перед законом»⁸. И это говорит человек, который в своей жизни преклонялся только двум идолам — чинам и деньгам.

Оставим пока хронологию. Да и она не очень уместна в нашем случае. Русские писатели, как принято считать, выросли из шинели Гоголя. Между прочим, сюжет поэмы «Мертвые души» был подсказан Гоголю А. С. Пушкиным. Хотелось бы вспомнить и А. П. Чехова, которого с Гоголем роднит ироничное восприятие действительности.

А. П. Чехов касался не только семейных перипетий, на что обращал внимание С. Довлатов, который, по его словам, хотел быть похожим только на него. В рассказе «Злоумышленник» драматург и писатель показал, как в России из маленького человека делают «козла отпущения». Конечно, нельзя гайки отвинчивать для ловли рыбы. Однако часто наказание не соответствует тяжести совершенного деяния. Безграмотный мужик Денис говорит судебному следователю в конце их недолгого общения: «Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хотя и высеки, но чтобы за дело, по совести»⁹.

«Драма на охоте» — это уже гораздо серьезней. Э. Лотяну снял замечательный фильм

«Мой ласковый и нежный зверь» с великолепным актерским ансамблем и не менее великолепной музыкой (Е. Дога). Судебный следователь (актер О. Янковский) расследует преступление, которое сам же и совершил. На каторгу пошел совершенно невиновный человек (актер Л. Марков), управляющий имением Арбенин. Когда судебный следователь принес рукопись своего романа издателю, тот, прочитав ее, сказал: «Как же Вы с этим жили». По сути, это есть нравственный приговор циничному следователю. Между прочим, дворянину.

Актер, игравший издателя, был загримирован так, что своим сходством сильно напоминал Ф. М. Достоевского. Полагаю, что не случайно. Интересно, что свое место в литературе ему могли занять два властителя дум той эпохи — Н. Некрасов и В. Белинский. Они же его потом стали всячески критиковать, буквально выдавливать из творчества. Причем не стеснясь в выражениях. Достоевский признавался, что он не мог сохранить добрые отношения с Белинским после того, как он неоднократно «по-матерному» посылал не кого-нибудь, а И. Христа. Такого терпеть глубоко верующий Достоевский не мог. В том, что их пути разошлись, ничего удивительного нет. Некрасов затем восстановил отношения с Достоевским. Но никогда не платил ему гонорары, равные его таланту. Федора Михайловича это ранило. Он был литературным каторжанином. Не только политическим. Вспомним «Записки из мертвого дома». В нем Достоевский показывает, *какие нравственные муки доставляет система бесполезного труда* всякому мыслящему человеку. А ведь как здорово подмечено! Созидание приносит удовольствие. Бесполезный труд начисто лишен этого, поэтому он так был «органично» вплетен в продуманную каторжную систему. Добавим от себя — и в бюрократическую. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский касается многих тем, в том числе и нравственно-правовых.

Адвокаты, что само собой разумеется, и нередко судьи и прокуроры, что удивительно, либерально настроенные, нередко всё делали для того, чтобы облегчить участь тех, кто покушался на жизнь чиновников, государственных мужей. Нередко оглашались оправдательные или слишком мягкие приговоры под одобрительные овации публики несостоявшимся убий-

⁷ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 215.

⁸ Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 30.

⁹ Чехов А. П. Повести и рассказы. М. : Правда, 1981. С. 45.

цам. Достоевский этого искренне не понимал. Он никак не мог объяснить сам себе, почему убийство, совершенное в пьяной драке, называется так сурово. В отличие от покушения на убийство по политическим мотивам. Он считал, что юристы просто глумятся не только над законом, но и над нравственностью. Его «Бесы» буквально «взбесили» либерально настроенную интеллигенцию. Он в этой книге всё предсказал. Так и получилось. Отпадение от Бога и нравственности неминуемо должно было привести Россию к катастрофе. Так и случилось. Сейчас как-то не принято вспоминать, что некоторое время Ф. М. Достоевский был запрещен. И только в 50-х гг. XX в. ограничения были сняты. Есть над чем задуматься.

Некоторое отступление. И в советской литературе появятся своего рода «Бесы». Речь идет о романе Владимира Анисимовича Кочетова «Чего же ты хочешь?», опубликованном в журнале «Октябрь» в 1969 г. Роман «Журбины» (1952) принес ему заслуженную славу. Особенно после экранизации. Более позднее произведение превратило его фактически в изгоя. Его возненавидели одновременно: правомонархисты, «прогрессивная интеллигенция» прозападной ориентации и, самое главное, власть. Первые и вторые до времени выражались очень дозированно. Они узнали себя в конкретных персонажах. Писатель увидел в них внутренних могильщиков страны. Власть разлюбила его в силу того, что он фактически обвинял ее в близорукости, неспособности просчитать ситуацию. Вскоре он умер, всеми забытый. В конце романа одному молодому советскому человеку будет сказано, что за ширмой западного ширпотреба скрывается желание уничтожения страны. А те, кто желает своей стране поражения, ждут того, что на русскую землю придут неонацисты и будут устанавливать свои порядки.

Все утонуло в смехах. Как справа, так и слева. А между тем прогноз оказался верным. Писатели, не думающие о славе и гонорах, а о судьбе России, нередко были в одиночестве. Увы.

И здесь также мы видим конфликт. Не особенно рискуя, «монархисты» и «либералы» в кармане показывали государству известную фигуру из трех пальцев, но при этом никак не хотели потерять кормушку в его лице. Не стоит забывать, что даже относительно известный писатель или поэт мог жить в СССР на доходы от

литературного труда. На Западе это могли себе позволить исключительно гранды, писатели с европейским или мировым именем.

Дореволюционные юристы считали произведение Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» сугубо криминалистическим. В нашем понимании — криминологическим. В западной литературе криминологию квалифицируют как уголовную социологию. Может быть, это более правильно. Во всяком случае, если устанавливать связь гениального романа с юридическими науками.

Можно вспомнить и о других писателях. Однако остановимся на творчестве Л. Н. Толстого. В романе «Война и мир» князь А. Волконский был привлечен реформатором М. М. Сперанским к чисто юридической деятельности — реформе гражданского и военного законодательства. Портрет Сперанского, созданный Толстым, не совпадает с тем, который имеет место в «официальной» историографии. Но это, так, что называется, к слову.

Очень сильная вещь «Отец Сергей». Великий писатель земли Русской показывает, насколько силен и одновременно слаб человек. Как он борется с искушением, но поддается ему. И в итоге тяжело расплачивается. Это если брать общепринятую точку зрения. Тем более, что герой принадлежит к высшим слоям русского общества. Бродяга Степан Касатский, князь, в прошлом отец Сергей, а в мирской жизни командир лейб-эскадрона кирасирского полка, презрев людское мнение, отдав последние 20 копеек слепому нищему, осознал: «Чем меньше имело значение мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог»¹⁰.

Однако более всего проблема соотношения нравственности и права показана в его последнем романе «Воскресение». Полагаю, что его нужно обязательно прочитать и продумать всякому, кто хотел бы стать юристом.

Центральные фигуры этого крупного произведения Л. Н. Толстого — Катюша Маслова и князь Дмитрий Иванович Нехлюдов. К сожалению, он во многом был виновником столь печальной судьбы этой девушки, ставшей проституткой, на которую несправедливый суд взвалил вину за убийство богатого развратного купца. Ее судьба перевернула мировоззрение Нехлюдова, который совершенно переосмыслил свою жизнь, выбрав принципиальные иные ориентиры и ценности.

¹⁰ Толстой Л. Крейцерова соната. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 414.

Одна из тем, которая занимает писателя, сводилась к попытке ответить на вопрос: по какому основанию одни люди присвоили себе право судить других? И внятного объяснения этому нет до сих пор.

Л. Н. Толстой дает портреты тех, кто будет решать судьбу Е. Масловой.

Председатель суда. Развратный человек, как и его жена. Главное для него состоит в том, чтобы поскорее кончить дело и встретиться в гостиничном номере с одной из своих любовниц.

Один из присяжных заседателей. С утра имел «сцену» с женой, которая растратила деньги и грозила ему отказать обедом. Вот и «живи после этого нравственной жизнью, подумал он и с завистью посмотрел на председателя».

Товарищ прокурора. Был не в духе, поскольку пили и играли в карты всю ночь, а под утро поехали в публичный дом, туда, где до этого была подсудимая Маслова.

Судебный пристав. Честный человек, но нигде не мог удержаться на месте, потому что пил запоем.

Прокурор. Честолюбив. Твердо решил делать карьеру, а потому добиваться всегда обвинительного приговора.

Знаменитый адвокат, хотя и не участвующий непосредственно в деле, но он помог отнять у одной старушки всё ее имущество в пользу одного дельца за гонорар в 10 000 руб. Все это знали, в том числе и судьи.

Старичок-священник. Служил 46 лет. Толстой пишет: «...Труд его в суде, состоящий в том, чтобы приводить людей к присяге над Евангелием, в котором прямо запрещена присяга, был труд нехороший, никогда не приходило ему в голову, и он не только не тяготился этим, но любил это привычное занятие, часто при этом знакомясь с хорошими господами. Теперь он не без удовольствия познакомился с знаменитым адвокатом, внушавшим ему большое уважение тем, что за одно только дело старушки с огромными цветами на шляпке он получил десять тысяч рублей»¹¹.

Купец, один из присяжных. Распространял вокруг себя запах вина и, удерживая шумную отрывку, на каждую фразу одобрительно кивал головой.

Как известно, граф Л. Н. Толстой был отлучен от церкви. Разумеется, не только за то,

что таким образом изобразил священника. Его расхождение с ней были очень глубокими. Но возникает вопрос: как старичок-священник с такими «моральными» устоями служил правосудию? Пусть это и литературный персонаж. Но он списан, что называется, с натуры.

Участь К. Масловой так затронула Д. Нехлюдова, что он стал интересоваться проблемами юридической науки. Он ранжировал всех осужденных на пять разрядов и никак не мог понять, «...зачем все эти столь разнообразные люди были посажены в тюрьмы, а другие, точно такие же люди ходили на воле и даже судили этих людей...»¹².

Для ответов на эти вопросы он обратился к юридической науке. Купил книги Ломброзо, Ферри, Тарда и др. К слову, сам Л. Н. Толстой учился на юридическом факультете Казанского университета, но, как тогда говорили, не кончил курса.

Придется привести длинную цитату, чтобы понять, чего мы ждем и что не получаем от науки. «Но по мере того, — пишет Толстой, — как он читал их, он всё больше и больше разочаровывался. С ним случилось то, что всегда случается с людьми, обращающимися к науке не для того, чтобы играть роль в науке: писать, спорить, учить, а обращающимися к науке с прямыми, простыми, жизненными вопросами; наука отвечала ему на тысячи разных очень хитрых и мудреных вопросов, имеющих связь с уголовным законом, но только не на тот, на который он искал ответа. Он спрашивал очень простую вещь; он спрашивал: зачем и по какому праву одни люди заперли, мучают, ссылают, секут и убивают других людей, тогда как они сами точно такие же, как и те, которых они мучают, секут, убивают? А ему отвечали рассуждениями о том, есть ли у человека свобода воли или нет. Можно ли человека по измерению черепа и прочему признать преступным или нет? Какую роль играет наследственность в преступлении? Есть ли прирожденная безнравственность? Что такое нравственность?»¹³.

Можно сказать, что Толстой предъявляет много претензий науке. Но в чем-то он прав. Нуждающиеся и корыстные люди, сделавшие себе профессией судить и наказывать людей, сами развращаются до крайней степени. Толстой категоричен в том, что наказание только

¹¹ Толстой Л. Воскресение. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 40.

¹² Толстой Л. Воскресение. С. 401.

¹³ Толстой Л. Воскресение. С. 402.

плодит преступников. А еще их количество пополняется преступниками-судьями, прокурорами, следователями, тюремщиками, которые сидят и наказывают людей.

Увы, и у А. П. Чехова такое же мнение. Причина индифферентизма к заключенным кроется, как он считает, в «...чрезвычайной необразованности нашего русского юриста; он мало знает и также не свободен от профессиональных предрассудков... Он сдает университетские экзамены только для того, чтобы уметь судить человека и приговаривать его к тюрьме и ссылке; поступив на службу и получая жалованье, он только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно...»¹⁴.

А дальше эти ссыльные попадают в «места не столь отдаленные», где природа и общество довершают их моральное падение. Это хорошо показано у А. П. Чехова. Во время своего путешествия он замечает: «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо... Если говорить о пьянстве, то не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных»¹⁵.

Такая вот безрадостная картина. Не должно быть такого в христианском государстве, считает Чехов. Толстой устами Д. Нехлюдова говорит, что нужно руководствоваться заповедями. Всего их нужно пять. Это по Толстому. Все из Евангелия от Матфея. Вот тогда можно достигнуть доступного человеку блага — Царства Божия на земле. А в их исполнении состоит «...единственный разумный смысл человеческой жизни, что всякое отступление от этого есть ошибка, тотчас влекущая за собой наказание»¹⁶.

Широкой известности в Европе, а затем и во всем мире русская литература обязана прежде всего И. С. Тургеневу. Он подолгу проживал за границей. Дружески общался с мэтрами французской литературы. Был вхож в самые изысканные литературные салоны. Его превосходный французский и собственные литературные произведения послужили мостиком между отечественной словесностью и европейской литературой. Благодаря его переводам французские читатели и, что самое главное, писатели познакомились с творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др. Важно было начало. А уже потом интерес к русской литературе

стал только возрастать. Сам И. С. Тургенев, много пострадавший от своей деспотичной матери, исходивший с ружьем две-три губернии, хорошо знал крестьянскую жизнь. Считается, что решение об отмене крепостного права как явления безнравственного было принято после публикации цикла рассказов «Записки охотника».

Много позже в университетах всего мира, а не только в Европе, стали возникать кафедры славистики. Даже в США. К слову, известный славист, профессор русской литературы К. Проффер совместно с женой основал издательство «Ардис», в котором издавались писатели-эмигранты, а также и те, кто жил в СССР.

Конечно, если у советского писателя выходила книжка за рубежом, то ничего хорошего это не сулило. Б. Пастернак был исключен из Союза писателей за то, что его «Доктор Живаго» был опубликован за границей. Это, кстати, далеко не литературный шедевр. Для В. Набокова Б. Пастернак был «патентованным ничтожеством». Тем не менее он был издан. Писатель получил «статус» гонимого и Нобелевскую премию по литературе. На «очереди» был сам В. В. Набоков, которого в связи с Пастернаком «передвинули». Но не повезло. Как, впрочем, и второй раз, когда исключительно за «политику» нобелевским лауреатом стал А. И. Солженицын. Так что Набоков, чей литературный талант стоит неизмеримо выше, остался без премии. Но это совсем другая история.

По всей видимости, русская литература была обречена на оглушительный успех, прежде всего потому, что она, как никакая другая, поднимала такие проблемы, которые не были «сквозными» для других литератур. Русские писатели всегда и основательно «копались» в душах своих героев и проникали туда порой так далеко, куда другие предпочитали не заглядывать. «Русский психологический роман» и «система Станиславского» стали своего рода визитными карточками нашей литературы и театра.

То, что прекрасный писатель, блестящий стилист В. В. Набоков остался без престижной премии, в какой-то мере закономерно. Ибо он естественным образом выпадал из русской литературной традиции. А традиция эта состояла в том, что писателя, «инженера человеческих душ», волновали вопросы, которые есть суть бытия человека: подвиг и награда; преступле-

¹⁴ Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. М. : Правда, 1985. С. 39.

¹⁵ Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 40.

¹⁶ Толстой Л. Воскресение. С. 570.

ние и наказание; добро и зло; перипетии семейной жизни и некоторые другие.

Иное дело В. В. Набоков. Он практически ерничал в отношении многих русских, а тем более советских писателей за то, что они в своих произведениях поднимали какие-то «идеи». Дело писателя есть эстетика слова, а не идеи. На этом и стоял. Понятна его нелюбовь к Горькому, «пролетарскому писателю и буревестнику революции». Ведь его гонорарам мог бы позавидовать любой «буржуазный писатель». Пьесы с большим успехом шли на театральных подмостках многих европейских стран.

Революция же отняла у Набокова многое: огромный дом на Морской улице в Петербурге, имения, загородные дома, роллс-ройс, на котором его, гимназиста, возили на занятия. Преимущественное проживание в гостиницах, даже после того, как у него появились средства (публикация «Лолиты»), объяснялось тем, что Дом у него был, но он был отнят. Эти личностные переживания очень сильно сказались на его мировоззрении. В эмиграции он согласился побеседовать только с двумя выходцами из советской России — Б. Ахмадулиной и В. Максимовым. Последний был уже эмигрантом.

Набоков сомневался в литературных дарованиях даже Достоевского. Ну и, конечно же, он не любил его только за то, что он был слишком «идейным» писателем.

И. Бунин и В. Набоков очень не любили М. Шолохова. Кстати, интерес к его творчеству не утихает¹⁷. Известно, что Жан-Поль Сартр отказывался получать Нобелевскую премию в связи с тем, что ее пока получил М. Шолохов.

Сам Владимир Владимирович Набоков являлся блестящим стилистом. Как и И. Бунин. В силу этого они не очень любили друг друга. Так вот, назначение литературы Набоков видел в том, чтобы доставлять эстетическое удовольствие читателю. От чтения по спинному мозгу должен протекать некий «ток удовольствия». Поэтому книги следует не читать, а перечитывать. А всякие там поиски глубинных смыслов, общественно значимых проблем его не особенно волновали. В каждом произведении, считал он, должна быть продуманная структура и изысканный стиль. Художественные произведения призваны формировать хороший литературный вкус. И только.

Между тем сам Набоков вольно или невольно попал под «чары» Ф. М. Достоевского. Ф. Кафку Набоков безоговорочно признавал в качестве литературного дарования. Еще бы. Трудно найти в мире интеллектуала, который был бы равнодушен к творчеству этого выдающегося писателя. И все-таки не нужно обладать навыками профессионального литературоведа, чтобы не увидеть очевидные сходства между «Преступлением и наказанием» Достоевского и «Процессом» Ф. Кафки. Очень похожи некоторые эпизоды.

У В. В. Набокова есть «Приглашение на казнь». Как несомненный литературный талант, он не мог не думать о возможных параллелях между Достоевским, Кафкой и им самим. Дело в том, что вся мировая литература, так или иначе, построена на очень немногих проблемах. Все они, так или иначе, находятся на «стыке» права и нравственности. Или морали.

С. Д. Довлатов полагал, что А. П. Чехов сделался мировой знаменитостью на ниве «семейной драмы». Конечно, это слишком вольное и в чем-то вульгарное объяснение феномена Чехова. Ведь по масштабам постановки его пьес на театральных подмостках он уступает только У. Шекспиру. Кстати, даже в самой Англии немало тех, кто реально сомневается в физическом существовании такого драматурга. Есть много пятен в его «официальной» биографии. Но это к делу особенно не относится.

Ф. М. Достоевский попытался проникнуть в глубинные мотивы преступления и наказания. Ф. Кафка и В. В. Набоков пошли несколько дальше. Этому способствовали изменения, которые имели место в жизни социума. Писатели попытались понять, каким образом у современного человека формируется чувство вины. Не столько перед обществом, сколько перед властью. Они предчувствовали усиление контроля над личностью, которая, так или иначе, будет озабочена проявлением лояльности по отношению к властным структурам. Особенно эта проблема обострилась в настоящее время в связи с интенсивным внедрением цифровых технологий. Многие стали говорить о «цифровом рабстве», «цифровом ГУЛАГе». Все фиксируется. Кругом камеры и микрофоны.

Конечно, всё это «вторгается» в сферу права и нравственности. В свое время Е. Замятин,

¹⁷ Прилепин З. Шолохов. Незаконный. М. : Молодая гвардия, 2023.

Кстати, М. А. Шолохову присвоена степень доктора права Сент-Эндрюсского университета (Шотландия). Оксфордский университет присвоил почетную степень доктора права И. С. Тургеневу (1879).

инженер по образованию, написал «Мы». Эта книга во многом оказалась пророческой. Вместо конкретного человека с фамилией, именем, отчеством появляется некий «номер». И люди общаются уже не с друг с другом, а с носителями этих самых номеров.

В некотором роде В. В. Набоков пострадал от «господства идеи» в литературе. Солженицын с его гулаговской темой пришелся весьма кстати. И здесь опять много вопросов. Какое нравственное воспитание можно получить от книг Солженицына, если школьникам под маской исторической правды вдавливать сугубо негативный образ страны. Тем более, что «тюремная» проблематика освещена и очень неплохо. К примеру, В. Шаламовым. В педагогическом сообществе давно поднимается вопрос о той литературе и писателях, которых должны проходить в школе. Прав был С. Михалков: «Сегодня — дети, завтра — граждане». Очень хорошо, что в школу вернули «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодую гвардию» А. Фадеева. Но не поздно ли? Но как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Литература всегда была отражением эпохи. Однако литература, как и искусство в целом, должны нести определенную миссию. В том числе и воспитательную.

Деятели культуры, как правило «либеральной политической ориентации», любят повторять, что «искусство и культура никому ничего не должны». Но при этом требуют денег от государства, отказывая ему в праве все-таки проявлять интерес к тому, что же происходит внутри, так сказать, творческого процесса.

Вряд ли с этим можно согласиться. Прежде чем требовать денег от государства, неплохо бы задуматься над тем, откуда они у него берутся. А это, между прочим, деньги налогоплательщиков, то есть общества. Государство, как известно, само ничего не производит. Надо ли учитывать вкусы общества, тем более их формировать? Своеобразным ответом на этот вопрос является понимание культуры, свойственное выдающемуся семиотику Ю. М. Лотману: «Культура есть система ограничений». Заметим, ограничений. В эту систему ограничений органично входят нравственность и право. Вот это, как мне кажется, принципиальное соображение. У нас же сегодня любая пошлость квалифицируется в качестве «чего-то неоднозначного»,

а банальное воровство «нецелевым расходом». Может быть, пришла пора называть вещи своими именами?

Какого человека отражает и какого человека формирует литература? Вот то, над чем следует задуматься особо.

Одно время наших русских писателей занимала проблема «лишнего» человека. Таковыми были Е. Онегин, Г. Печорин. «Удаление» от мира стало модным. Типичных представителей этого класса не особенно интересовало то, что происходит вокруг. Как правило, это были самовлюбленные эгоисты, не совсем понимающие, зачем они живут. Почти исповедь находим у Печорина: «...Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия...»¹⁸.

Советскую литературу такой подход явно не устраивал. Героем становится человек с выраженной активной позицией. Интересы общества и государства у него на первом месте. Кстати, первые опросы производились на оккупированных немцами территориях уже в начале войны, то есть летом 1941 г. Они показали, что молодежь, сформированная советским строем, принципиально не поддерживает идею «освобождения» страны от большевизма. Именно тогда появились обоснованные сомнения не только в скором времени окончания военной компании, но и исхода войны как таковой. Среди людей старшего поколения, которые пережили трансформацию общественных и государственных институтов, количество готовых к сотрудничеству с немцами было несравненно больше. Мы должны понимать, что поколение 1918–1927 годов рождения, которое и обеспечило победу, было воспитано на ценностях советского общества. Эти ценности и прививала советская литература, в отношении которой Набоков позволял себе не совсем лестные оценки. Литература советская не менее значимый феномен, чем русская. А вместе они и составляют отечественную словесность. Мы не должны их разделять, как это было принято раньше.

А вот кто герой нашего времени? Нужны ли ему прочные нравственные основы? При наличии гражданского общества и правового государства можно быть законопослушным человеком и моральным уродом одновременно. Прагматизм современного общества размывает моральные и нравственные ориентиры. Се-

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : Советская Россия, 1981. С. 166.

годня мы, что называется, спохватились. Третью IT-специалистов уехали. А ведь они так нужны стране, которая противостоит агрессивному Западу, жаждущему уничтожения России. Никто уже ничего не скрывает. Уверен, что большинство из них получили образование за государственный счет. С другой стороны, что можно было ожидать, если два поколения как минимум учились по учебникам, которые издавались на деньги Дж. Сороса.

Убежден, что литература должна воспитывать. И еще. Без нравственности право теряет свою ценность. Отечественные писатели много раз обращали на это внимание. Если мы снова станем самой читающей страной мира, то конфликт права и нравственности может быть менее драматичным. Во всяком случае, основания так думать имеются. Социальный опыт, накопленный нашей страной, лучше всего говорит об этом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоголь Н. В. Мертвые души. — М. : Художественная литература, 1985. — 368 с.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — М. : Советская Россия, 1981. — 224 с.
3. Прилепин З. Шолохов. Незаконный. — М. : Молодая гвардия, 2023. — 1087 с.
4. Пушкин А. Дубровский. — М. : Эксмо, 2022. — 288 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. — М., 1976. — 400 с.
6. Толстой Л. Воскресение. — СПб., 2021. — 576 с.
7. Толстой Л. Крейцеров соната. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с.
8. Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. — М. : Правда, 1985. — 456 с.
9. Чехов А. П. Повести и рассказы. — М. : Правда, 1981. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Gogol NV. Mertvye dushi [Dead souls]. Moscow: Fiction Publ.; 1985. (In Russ.).
2. Lermontov MYu. Geroy nashego vremeni [A hero of our time]. Moscow: Soviet Russia Publ.; 1981. (In Russ.).
3. Prilepin Z. Sholokhov. Nezakonnyy [Sholokhov. Illegal]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.; 2023. (In Russ.).
4. Pushkin A. Dubrovskiy. Moscow: Eksmo Publ.; 2022. (In Russ.).
5. Pushkin AS. Sbranie soch.: v 10 t. [Collection of Works: in 10 vols.]. Vol. 7. Moscow; 1976. (In Russ.).
6. Tolstoy L. Voskresenie [Ressurrection]. St. Petersburg; 2021. (In Russ.).
7. Tolstoy L. Kreytserova sonata [The Kreutzer Sonata]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus Publ.; 2019. (In Russ.).
8. Chekhov AP. Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin [From Siberia. Sakhalin Island]. Moscow: Pravda Publ.; 1985. (In Russ.).
9. Chekhov AP. Povesti i rasskazy [Novellas and short stories]. Moscow: Pravda Publ.; 1981. (In Russ.).